УДК 930.1

РИМ И ПОНТ ОТ ФАРНАКА I ДО МИТРИДАТА VI

© 2012 г.

Е.А. Молев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ist@unn.ru

Поступила в редакцию 05.11.2012

Анализируется процесс становления и развития понтийско-римских отношений от Фарнака I до начала войн Митридата Евпатора против Рима. Автор приходит к выводу, что дружба и союз Понта с Римом были заключены Фарнаком I и характер отношений между государствами не менялся вплоть до правления Митридата Евпатора.

Ключевые слова: Понт, Рим, Фарнак, Митридат, Полибий.

Появление римских легионов в Малой Азии на заключительном этапе войны с Антиохом III существенно изменило соотношение политических сил в этом регионе. По Апамейскому мирному договору, заключенному в 188 г. до н. э. (Polyb. XXI. 16–23; 44–46; Liv. XXXVIII. 37–38; App. Syr. 37–39), Антиох отказался от малоазийских территорий к западу от гор Тавра, что привело к распространению римских политических интересов на расположенные здесь малоазийские государства (рис. 1). С этого времени все они должны были так или иначе строить свои отношения с новым властелином, пришедшим на смену Селевкидам. Не было исключением в этом отношении и Понтийское царство, правители которого до этого проводили политический курс на расширение своих владений, используя при этом брачно-династийные связи с Селевкидами (Polyb. V. 43. 1–4) [1, с. 62–63].

Царем Понта в то время был Фарнак I (190–159 гг. до н. э.). Политическая деятельность этого царя была активной и направленной на расширение границ его государства [2, с. 27; 3, с. 14–18]. При этом, однако, он оказался в состоянии поддерживать дружественные отношения с Римом, явно не заинтересованным в появлении у своих новых восточных границ потенциально опасного противника. По мнению Луиса Баллестерос-Пастора, это могло быть связано с тем, что Понт не поддержал Антиоха III в его войне против Рима [4, p. 50]. Но Антиоха не поддержал и гораздо более активный его союзник – Прусий I, царь Вифинии. Правда, за это римляне обещали увеличить его владения (Polyb. XXI. 1), однако передали обещанные земли Пергаму [5; 6, I, p. 191]. В итоге Апамейский мир стал прологом последующих войн малоазийских государств между собой.

Уже в первой войне, последовавшей через два года после Апамейского мира, участвует и Фарнак I (Х. Хабихт считал, что военные действия могли начаться и ранее, вскоре после заключения мира 188 г. до н. э. См. [7]). Властитель Понта выступает на стороне обиженного римлянами царя Вифинии, причем с самого начала войны 186–184 гг. до н. э. (Polyb. XXIII. 1. 4; 3. 1; Liv. XXXIX. 4. 6; Just. XXXI. 4. 23) [8, p. 211]. По-видимому, этот факт следует рассматривать как свидетельство отсутствия каких-либо политических контактов Понта с Римом в то время и достаточно убедительных представлений у царя Понта о силе римлян. Для всех малоазийских правителей того времени не было секретом, что очень важную, если не определяющую роль в битве при Магнесии, решившей исход войны Антиоха с Римом, сыграли пергамские войска (App. Syr. 33–34; 36; Liv. XXXVII. 41. 2–-4; 42. 5; XXXVII. 43. 5–11; XXXVII. 44. 1–2; XXXVIII. 1–7; Just. XXXI. 8. 7; Zonar. IX. 20). Однако прошедшая война ясно показала всем малоазийским правителям, кто здесь в действительности является хозяином положения. Несмотря на поддержку Понта, Македонии, галатского тетрарха Ортиагона и карфагенского полководца Ганнибала, Вифиния потерпела поражение и под давлением римского представителя Т. Квинкция Фламинина была вынуждена отдать Пергаму не только спорные территории, но и часть собственных земель [9, p. 27; 10, с. 290–291].

Стало очевидно, что сохранять далее союз с Вифинией и рассчитывать при этом на расширение своих владений, бессмысленно. Надо было начинать свою игру. И Фарнак начинает ее практически сразу после окончания вифино-пергамской войны. Целью его стала борьба за подчинение Фригии и Галатии, т. е. фактически

продолжение войны с Пергамом, союзником Рима. Но начинает он с захвата Синопы. Этот город был независимым и не имел контактов с Римом. Захват его давал, с одной стороны, возможность проверить отношение Рима к Понту, а с другой – увеличивал в случае успеха экономические ресурсы царя Понта. Не случайно сразу после захвата города Фарнак направляет посольство в Рим. Вероятно, именно в это время он предлагает римлянам дружбу и союз. Следуя своей обычной дипломатической тактике, римляне отправили комиссию для рассмотрения дела синопейцев и родосцев (Polyb. XXIII. 9; XXIV. 1), которая, судя по отсутствию вопроса о Синопе у следующей комиссии, посчитала действия Фарнака неопасными для Рима и отклонила протест родосцев [1, с. 72]. Возможно, это стало следствием благоприятного для Понта решения римского сената о включении его в состав своих союзников. Именно это последнее решение сделало возможным для Понта продолжение войны с римским союзником Пергамом и присоединившимися к нему Вифинией и Каппадокией.

Борьба союзников между собой в Риме всегда рассматривалась, скорее, как положительный фактор, поскольку, во-первых, она ослабляла их и увеличивала зависимость от Рима, а, во-вторых, при успешном возвышении одного из них Рим всегда мог остановить своего слишком зарвавшегося союзника руками других союзников. Поэтому есть основания думать, что именно принятие Понта в число союзников Рима сделало для него возможным продолжение войны с Пергамом, несмотря на то что комиссия сената, прибывшая в Малую Азию в 182 г. до н. э. и рассмотревшая конфликт между царями, признала, что «действия Эвмена правильны, а Фарнак проявляет корыстолюбие и наглость» (Polyb. XXIV. 1. 2). Теперь сенату надо было рассматривать вопрос о том, кому из союзников отдать предпочтение, а Пергам с помощью римлян уже настолько существенно укрепил свои позиции в Малой Азии, что мог стать в перспективе опасным [11, p. 88–89; 9, p. 27]. Вероятно, именно поэтому обвинения Пергама против Понта (Just. XXXVIII. 6. 1; Liv. XL. 2. 6), несмотря на очевидно агрессивный характер его действий по отношению к ближайшим соседям, не заставили римлян предпринять каких-либо санкций против понтийского царя [12, p. 61–66; 13, p. 622]. Римляне избрали путь затягивания войны. Они предоставили возможность союзникам решать свои проблемы в результате военных действий. Возможно, и Фарнак знал или, во всяком случае, чувствовал эту заинтересованность Рима в ослаблении Пергама [1, с. 74–75] и это укрепило его в намерении продолжать борьбу.

Как считает Х. Хайнен, внимательно изучивший херсонесский декрет о договоре с Фарнаком (Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Greacae et Latinae. I^2, 402), строки этого договора о соблюдении дружбы с римлянами свидетельствует о том, что, во всяком случае, ко времени его заключения, союз между Римом и Понтом уже был свершившимся фактом [14, S. 31–54]. Вероятно, что именно это обстоятельство привело к включению Херсонеса в мирный договор Понта с его противниками в 179 г. до н. э.

После окончания войны 183–179 гг. до н. э. политика Рима по отношению к Понту существенно не изменилась. В Риме были удовлетворены ее результатами и не видели причин беспокоиться об изменении политического курса своих малоазийских союзников, которые, несомненно, стали еще более зависимыми от римлян. Со своей стороны Понт в лице Фарнака и последующих правителей, всячески подчеркивая свою лояльность Риму, продолжал тем временем усиливать мощь своего государства всеми возможными средствами. Об этом, в частности, свидетельствует участие брата и преемника Фарнака I Митридата IV Филопатора Филадельфа в очередной войне между Вифинией и Пергамом (Polyb. XXXIII. 12. 1) на стороне последнего [10, с. 320]. Митридат поддержал Аттала II в силу договора о союзе, который был заключен между обоими государствами, возможно, под давлением римской дипломатии. А давление это могло стать следствием неудач Пергама на начальном этапе войны. Разумеется, в этой войне у Митридата могли быть и свои планы. В частности, как полагал Э. Вилль [6, II, p. 321], Митридат мог рассчитывать на подчинение Галатии. Однако участие Понта в этой войне было достаточно скромным, судя по тому, что его воинский контингент выступил в поход вместе с каппадокийцами и под командованием сына каппадокийского царя Ариарата V Деметрия. Это дает основания думать, что идея данного союза исходила не от понтийского царя, но и отказать в данном случае Риму он не мог. Итоги войны для Понта неизвестны, но она показала, что римская политическая активность в регионе еще более возросла и была попрежнему направлена на сохранение существующего относительного равновесия сил [10, с. 325].

О сохранении дружбы и союзнических отношений Понта с Римом при Митридате IV свидетельствует его посвящение в Капито-

Рис. 1

лийском храме Юпитера Наилучшего и Величайшего, составленное на греческом и латинском языках (Orientis Graeci inscriptiones selectae, 375). В нем он прямо называет Рим своим другом и союзником. Поскольку не сохранилось никаких свидетельств о дипломатических контактах между Понтом и Римом в период его правления, можно думать, что такой союз сохранялся между обоими государствами со времени Фарнака I. Нельзя не согласиться с выводом С.Ю. Сапрыкина, что «в этом видится преемственность с политикой Фарнака I, которую он проводил после поражения в войне с соседями, но преемственность с более глубоким проримским оттенком» [1, с. 89]. Именно такая политика в какой-то мере могла гарантировать Понту укрепление его позиций в регионе, и понтийские правители следуют ей неукоснительно.

Однако первым реальным итогом договора о дружбе и союзе с Римом для Понта стала деятельность царя Митридата V Эвергета. Именно он, по сообщению Аппиана (App. Mithr. 10), был первым из понтийских царей, который не просто дружил с римлянами, а оказал им реальную помощь кораблями и войском в III Пунической войне. Он же помог римлянам закрепиться в Пергаме, участвуя в подавлении восстания Аристоника (Strabo. XIV. 1. 38; Just. XXXVII. 1. 2). В 129 г. до н. э. в Малую Азию прибыл консул Маний Аквилий, который преобразует Пергамское царство в римскую провинцию «Азия». Теперь границы Рима вплотную приблизились к границам Понта. Но Эвергет получал за это давно желанный для понтийских царей объект – Великую Фригию (App. Mithr. 12; 57; Just. XXXVII. 1. 2; XXXVIII. 5. 3). Правда, некоторые римские авторы утверждают, что Эвергет ее получил не за заслуги перед Римом, а за взятку, данную им Аквилию (App., Mithr. 12; 13; 57; App. B. civ. I. 22; Liv. Per. LXX; Cic. Pro Flacco. 98; De Oratore. II. 124; 188; 194–196). С этим согласен и ряд современных исследователей [15, с. 261; 16, S. 418; 17, с. 65; 18]. Однако нельзя забывать, что решение о передаче Фригии исходило не от консула, а от сената. И последующее обвинение консула в получении взятки, скорее всего, могло быть связано с внутриполитической борьбой в Риме, а вовсе не с конкретной политической ситуацией на Востоке. Поэтому мы склонны считать, что решение Рима о награждении своего друга и союзника, сыгравшего в борьбе с Аристоником почти такую же роль, как Пергам в битве при Магнесии, было реальным. Хотя Эвергет вполне мог использовать для этого и свои связи с римскими политиками, включая и Мания Аквилия. Не случайно Маний Аквилий был оправдан по суду в Риме и его решение оставалось в силе до 123/122 г. до н. э., когда избранный народным трибуном Гай Гракх оспорил это решение, но опять-таки по римским внутриполитическим мотивам.

Само же выступление Гая Гракха с предложением вернуть Великую Фригию Риму дает основание думать, что какая-то часть римской политической элиты уже начинала опасаться

Рис. 2

усиления Понтийского царства, связанного с его существенными территориальными приобретениями. И действительно, к 123/122 г. до н. э. Эвергет, помимо полученной от Рима Великой Фригии, приобрел Пафлагонию и Галатию, что вместе взятое почти вдвое увеличивало территорию его государства (рис. 2). А кроме того, весьма существенно укрепил свое влияние в Каппадокии, выдав замуж свою дочь за юного царя этой страны. Царь также активно увеличивает свою армию за счет наемников и вмешивается в дела греческих полисов, помогая своим сторонникам, о чем свидетельствует деятельность его стратега Дорилая Тактика (Strabo. X. 4. 10; XII. 3. 33) [19, p. 36].

Сохранился отрывочный текст senates consultum 119 или 116 г. до н. э., отменяющий понтийский протекторат над Фригией [20, p. 79–85]. Из него следует, что Митридат не хотел уступать власть над Фригией и римлянам удалось решить этот вопрос в свою пользу только после его смерти. И это, вероятнее всего, стало одной из причин заговора, закончившегося смертью Эвергета [1, с. 102]. С этого времени и до прихода к власти Митридата Евпатора Понт оказался в полной зависимости от Рима.

Список литературы

1. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М.: Наука, 1996. 348 с.

2. Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // Вестник древней истории. 1949. № 3. С. 27–35.

3. Молев Е.А. Властитель Понта. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госун-та, 1995. С. 14–18;

4. Ballesteros Pastor L. Cappadocia and Pontus, Client kingdoms of the Roman Republic from the Peace of Apamea to the Beginning Mithridatic Wars (188–89 B.C.) // Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. Altay Coşkun. Frankfurt ам Main, 2008. P. 45–63.

5. Hansen E.V. The Attalids of Pergamum. Ithaca (N.Y.), 1947. P. 88–89.

6. Will E. Histoire politique du monde hellènistique. Nancy, 1979. Vol. I–II.

7. Habicht Ch. Prusias I // Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. 1957. Bd. XXII. Hlbd. 45. Sp. 1089.

8. Allen R.E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983. XI, 251 p.

9. Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. Oklachoma, 1984. P. 27.

10. Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб.: Гуманитарная академия, 2005.

11. Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxford, 1958. P. 88–89.

12. Ballesteros Pastor L. Pharnaces I of Pontus and the kingdom of Pergamum // Talanta. 2000–2001. Vol. 32/33. P. 61–66.

13. Primo A. Il ruolo di Roma nella Guerra ponticopergamena del 183–179: Guistino XXXVIII, 6,1 // Studi Ellenistici 19. Pisa, 2006. P. 617–628.

14. Heinen H. Die Anfange der Beziehungen Roms zum Nordlichen Schwarzmeerraum. Die Romfreunschaft der Chersonesiten (IOSPE, I^2, № 402) // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat. Göttingen, 2005. S. 31–54.

15. Моммзен Т. История Рима. Т. II. М.: ОГИЗ, 1937.

16. Olschausen E. Pontos // Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. 1978. Suplbd. XV. Sp. 418.

17. Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

18. McGing B. Appian, Manius Aquilius and Phrigia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1980. Vol. 21. No. 1. P. 39–42.

19. McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden: Brill, 1986.

20. Drew-Bear Th. Three Senatus Consulta Concerning the Province of Asia // Historia. 1972. B d. 21.

PONTUS AND ROME FROM PHARNACES I TO MITHRIDATES VI

E.A. Molev

The article analyzes the process of forming and development of the relations between Pontus and Rome from the time of Pharnaces I to the beginning of the wars of Mithridates Eupator against Rome. The author comes to the conclusion that friendship and alliance between Pontus and Rome were concluded by Pharnaces I and that the nature of the relations between the states had not changed up to the rule of Mithridates Eupator.

Keywords: Pontus, Roma, Pharnaces, Mithridates, Polybius.